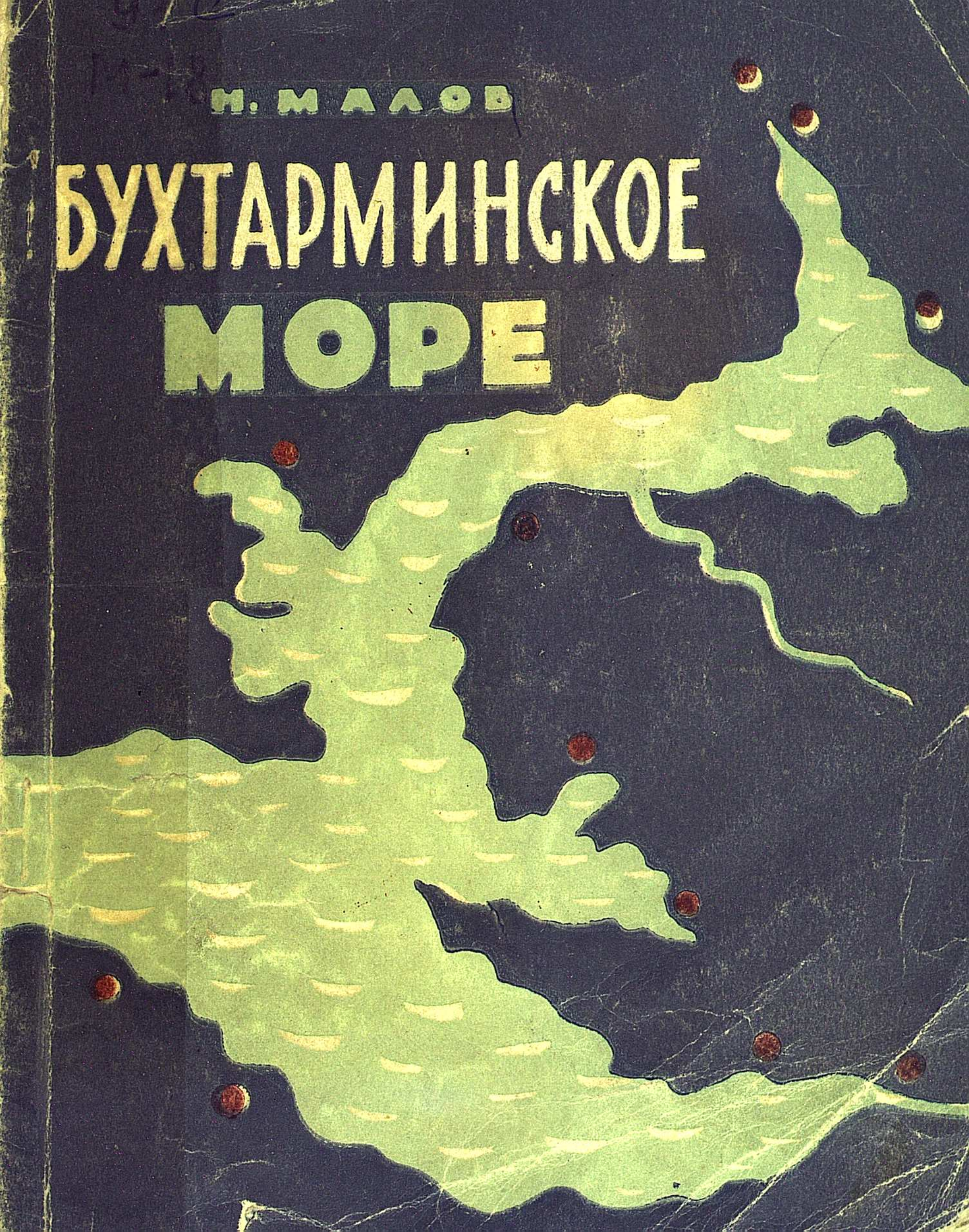

Н. М. ЛАЛОВ

БУХТАРМИНСКОЕ МОРЕ

Н. Малов

БУХТАРМИНСКОЕ
МОРЕ

МВО Усть-Каменогорская
ЦГБ 7179 0

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОМО | Алма-Ата — 1961
Усть-Каменогорская ЦГБ

В этой книге повествуется о рождении нового моря, о вдохновенном труде гидростроителей, покоривших седой Иртыш, заставивших его служить человеку.

Ее автор Н. Малов, один из старейших журналистов республики, просто и увлекательно рассказывает о том, как создавалось это искусственное водохранилище, о его влиянии на народное хозяйство. Кроме богатого фактического материала, в книге даны зарисовки природных богатств края, его истории, легенды, сложенные о нем.

ПЛОТЫ НА СТРЕМНИНЕ

Разгулялся весенний Иртыш: захлестнул волнами острова дальние и луга пойменные, нехватишь взглядом его могучую ширь. Серые льдины скрежещут, рушатся, наскокивая одна на другую, ошалело ревет река — не слышно крика перелетной птицы.

Из-за хребта Саура встает апрельское солнце. Оно заливают ярким светом обширную Зайсанскую котловину, туман на реке редет и исчезает совсем, льдины становятся совсем голубыми, золотистые блики заиграли на Иртыше.

Весна пришла шумная, молодая, задористая. Шалыми ветрами обшаривала она степи и перевалы, буйным соком наливала тайгу, цветные узоры плела на южных склонах гор. Над водой пролетали крикливые караваны гусей, проносились стаи уток, в высоком небе повис журавлиный клин.

Федор Иванович Хлапцев стоял на берегу и любовался весенним разливом. Любил он Иртыш — дикий, могучий, красивый, любил так, что и словами не высказать. «Никак не могу наглядеться на реку! — говаривал он односельчанам. — Силища в ней неуёмная, богатырская».

Еще в детстве, четырнадцатилетним подростком, он часто приставал к отцу с вопросами: «Где берет начало река?»

— Сказывают, — неопределенно отвечал отец, — Иртыш начинается в горах Монголии, а другие утверждают, будто исток реки — в наших местах, в горах Южного Алтая. Кто прав, я не знаю. Сам вверх по реке не хаживал.

Такой ответ не мог удовлетворить любознательного юношу. Он решил сам побывать у истоков реки. Зверинными тропами пробрался к началу Кара-Кабы, приняв ее за один из верховых притоков Иртыша. По ней спустился вниз, пересек китайскую границу и на долбленке по многоводной Хабе доплыл до Черного Иртыша. В горы ушел весной, домой вернулся в конце лета, так и не отыскав начала могучей реки. Спустя несколько лет, когда Федор Иванович был уже взрослым, он совершил путешествие в горы Монгольского Алтая и там испил водицы из истока Иртыша. Не раз он плавал по реке от границы Китая до слияния ее с Обью и дальше, до Карского моря.

Давно это было, много лет назад...

Сейчас Федор Иванович стоит на берегу, встречает сорок пятую весну своей жизни. Легкий утренний ветерок треплет его волосы, тронутые сединой.

Не счесть плотов-караванов, проведенных Федором Ивановичем. Каждую весну он сплавляет лес в промышленные города Рудного Алтая, и каждый раз река вызывает у него какое-то неизъяснимое чувство большой радости.

Нынешняя весна для него — особенная. Со всей своей семьей и многими односельчанами он готовился отплыть на новые места, на большую стройку. На берегу лежал лес, доставленный сюда санным путем, в затоне слышался перестук топоров — вязались плоты для дальней дороги.

Жил Федор Иванович в далеком таежном селе Пихтовке Маркакольского района. Слух дошел до лесорубов: будто близ Усть-Каменогорска на Иртыше задумали строить электрическую станцию. Сначала никто этому не поверил.

— Пустые слова люди сказывают,— говорили лесорубы.— Наш Иртыш-батюшка норовист, свиреп, плоты и баржи в щепы разбивает. Нет такой силы, которая смогла бы перегородить его.

Лесорубы послали на строительство своего человека. Вернулся он, рассказал о машинах необыкновенно сильных и о людях, приехавших из казахстанских степей и сибирских лесов. Тогда поверили таежники — не напрасно идет молва о наступлении на реку. Всем селом читали обращение коммунистов строительства, которые призывали людей на подвиг. Зачесались натруженные руки лесорубов, на большие дела потянуло. Жалко покидать родные насиженные места и оставаться невозможно. В родном краю такое начинается... Разве можно сидеть сложа руки и смотреть, как другие станут укрощать свирепый нрав Иртыша? Нет, своими руками надобно покорить строптивую реку.

— Коммунисты зовут нас на стройку,— сказал односельчанам Федор Иванович.— Значит, без нас обойтись не могут. Всем ехать нельзя, кому-то надо в тайге оставаться — лес сплавать.

На том и решили: половина лесорубов остается, остальные со своим инструментом и всей домашностью уезжают на строительство. Вожакom избрали Федора Ивановича. Мужик толковый, бывалый, любую протоку на реке знает, целехонькими проведет плоты.

Стоит Федор Иванович на берегу, задумался. Через неделю, а то и раньше, сойдет полая вода, тогда можно отправляться в дальнюю дорогу. До строительства шесть-

сот километров. Дней за десять стремнина донесет караван до места.

...На шестой день Иртыш очистился ото льда, вошел в свои берега, оставив с обеих сторон озера вешней воды. На речной рейд вышел караван плотов, растянувшийся на два с лишним километра.

Шли быстро. Пищу готовили на плотках. Варили только что выловленных тайменей и осетров, подстреленных гусей и уток. На ночных стоянках промышляли стерлядок.

Дым походных очагов расстилался по реке. На плотках, на растянутых веревках, сушилось белье, в изгородях мычали коровы, хрюкали свиньи, пели горластые петухи, кудахтали куры. Плыли со всем домашним скарбом и живностью, прихватили собак и кошек. Тянули за собой срубы домов, чтобы поставить их на новых местах. На шестах развешены медвежьи шкуры, олени и маральи рога — сувениры, по древнему преданью приносящие счастье.

На многие километры река безлюдна. Навигация еще не началась, рыбаки не выходили с неводами — стояла большая вода. Встречались только бродившие по береговым зарослям охотники-любители.

Наконец стремнина Черного Иртыша стала слабеть. Впереди открывалось обширное водное пространство.

ОЗЕРО ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ

Караван пришвартовался к песчаному берегу озера Зайсан, встал на прикол. Федор Иванович на лодке отправился на Тополев Мыс за катером, чтобы буксировать плоты до Белого Иртыша. А там караван снова выйдет на иртышскую стремнину и пойдет своим ходом.

...Озеро Зайсан. Когда-то оно называлось Хун-Хутунор, что в переводе значит озеро Звенящих колоколов.

Откуда появилось такое благозвучное имя? Древняя летопись края не дает ответа на этот вопрос. До сих пор ничего не рассказали и археологические раскопки. В ряде исторических источников упоминается озеро Хун-Хутунор, но нет пояснения, когда и кем оно так названо. И приходится лишь предполагать, почему далекие кочующие племена присвоили озеру это поэтическое название.

Вы стоите на пологом песчаном берегу. Вечереет. Уходить не хочется. Приятно провести здесь вечер. Легкий ветерок нагоняет волны на берег, вода выбрасывает песок. В вечерней тишине улавливаются мелодичные всплески волн и легкое звенящее шуршание песка. Волны и песок «поют», перезваниваются отдаленным, еле уловимым малиновым звоном...

Подул сильный ветер, вздыбилась озерная гладь, заиграла серебристыми бурунами, и снова до вашего слуха доносится мелодичный перезвон прибоя, словно кто-то невидимый сидит в водяной пучине и бьет деревянными молоточками по тонкому хрусталу.

За «поющий» прибой, напоминающий мелодичный перезвон, озеро, видимо, получило название Звенящих колоколов.

Позже на него набрели кочующие племена джунгар. Здесь они нашли много рыбы. Озеро спасло джунгар от голодной смерти. Они дали ему имя Зайсан — Благородное, которое сохранилось до нашего времени.

Озеро Зайсан занимает площадь свыше 1 800 квадратных километров, более 90 километров в длину и местами до 30 километров в ширину. Оно бирюзовым бриллиантом сверкает в середине Зайсанской котловины, обрамленной древними хребтами Саура, Тарбагатая и Южным Алтайским снежным хребтом.

Лето здесь длиннее, чем в Усть-Каменогорске, Лениногорске и других горных местностях Восточного Казахстана, зима короче и теплее. В Зайсанской котловине вы-

зревают около пятидесяти сортов винограда, яблоч, слив, вишни и других косточковых культур. Славятся яблоки Апорт кроваво-красный, Диана, Китайская крупноплодная, Пограничная. Виноград Шасла белый, Мадлен анжевин, Саперави, Конкордт русский по своим вкусовым качествам не уступает таким же сортам среднеазиатских республик. В скором времени здесь создадут виноградарские и фруктовые совхозы. Индустриальные города Рудного Алтая получают в изобилии местные виноград и яблоки.

...Утром к каравану плотов подошел катер. Плоты вытянулись на зайсанском фарватере, тронулись в путь. С каждым километром раздвигалась водная ширь, и, наконец, с обеих сторон вода слилась с горизонтом, исчезли очертания берегов, поросших густым камышом.

К вечеру следующего дня караван маркакольских лесорубов пришвартовался у берега Белого Иртыша. Озеро осталось позади, впереди синел почти четырехсоткилометровый иртышский путь.

РЕЧНЫЕ «ПИРАТЫ»

Плоты вышли на стремнину Белого Иртыша. На вездущем, положив руку на длинное весло, стоял Федор Иванович. Течение усиливалось, Иртыш делал неожиданные крутые изгибы, разбрасывал множество стариц. Бакены еще не расставили, и угадывать настоящий фарватер приходилось тем особенным чутьем, которое присуще опытным, отлично знающим реку плотогонам.

Миновали Камышинку — большое, зеленое село, вытянувшееся на несколько километров вдоль правого берега. Останавливаться не стали — торопились. Решили задневать в Батах. Там пополнить запасы хлеба, дать отдохнуть скоту, самим поразмяться.

От Камышинки чаще стали появляться селения. С обеих сторон виднелись животноводческие фермы, пристани, рабочие поселки, зеленели хлебные массивы, на пастбищах нагуливались отары овец, гурты крупного рогатого скота. Начинались наиболее густо заселенные места.

Иртыш раздался вширь. Он принял воды Курчума и Большой Букони. Курчум — правый приток Иртыша — начинается далеко в горах Курчумского хребта, севернее озера Маркаколь. На этом многокилометровом пути в него впадают десятки других горных рек и речушек. Левый приток — Большая Буконь — берет начало на восточной стороне водораздела Калбинского хребта. Обе реки, как и почти все горные реки Рудного Алтая, впадающие в Иртыш, изобилуют рыбой. Здесь водятся таймень, ускуч и широко распространенная в Восточном Казахстане красивая вкусная рыба — хариус.

Хариус не имеет промыслового значения. Летом он заселяет все горные речушки. В самое жаркое время поднимается почти до ледников, где начинаются горные ручьи. Он любит чистую холодную воду. Хариус осторожен, хитер, быстр в движении, нередко преодолевает 5—7-метровые водопады. Он сравнительно небольшой. На реках Восточного Казахстана лишь отдельные экземпляры достигают полутора килограммов. Ловят его только на крючок. Ни одна другая порода рыб не представляет такого большого удовольствия для рыбака-любителя. Хариуса ловят рыбаки-спортсмены, умело пробирающиеся по таежным зарослям и горным подъемам.

...Из Батов караван вышел рано утром. Лесорубы хорошо отдохнули, пополнили свои продовольственные запасы, настроение было превосходное. Кто-то затянул старинную песню о Ермаке Тимофеевиче. Ее подхватили на всех плотках. Песня ширилась, перекатывалась волнами по седому Иртышу, пробуждая тишину утра.

С обеих сторон к реке подступали горы. Кое-где они подходили совсем близко к воде, словно всматривались в водное зеркало, затем отступали, синели вдали. В таких местах вдоль берега дыбились древние курганы и высокие остроконечные сопки из серого, белесоватого и светло-розового плитняка. Казалось, они были сложены искусной рукой и, отшлифованные ветрами, напоминали на солнце сказочных богатырей, одетых в кольчуги и шлемы.

Мимо проплывали села Черемшанка, Обухово, Гусиная Пристань — известные исторические места. Здесь питерскими рабочими были созданы первые в нашей стране коммуны.

Плоты миновали Гусиную Пристань и вскоре пришвартовались в устье самой крупной после Иртыша реки Восточного Казахстана — Бухтармы. При ее впадении в Иртыш раскинулось большое село Усть-Бухтарма, где в годы гражданской войны развертывались большие события. В этом селе установлен памятник патриотам своего края, павшим в борьбе с белогвардейцами. В Усть-Бухтарме некогда была казачья крепость. И поныне еще видны ее очертания на высоком каменистом обрыве, выступающем далеко в воду и возвышающемся над ней на полтора десятка метров.

От Усть-Бухтармы Иртыш втягивался в ущелье, прорезавшее отроги Калбинского хребта на стыке с Ульбинским. Река становилась уже, течение ее убыстрялось. Сжатый отвесными каменистыми скалами, Иртыш дико ревел, пенился, неистово кидал свои могучие валы на прибрежные утесы.

— Гляди в оба! — крикнул Федор Иванович плотогонам.

— Есть, глядеть в оба! — отозвались лесорубы.

Караван вошел в узкую иртышскую горловину протяженностью около ста километров. В этой части река

делала такой же спад, какой имеет Волга на всем ее протяжении, от истока до впадения в Каспийское море. Сви-реп Иртыш на этом пути. Нужно обладать большим мастерством, чтобы провести караван.

— Внимание! Впереди «пираты»!— предупредил Федор Иванович.

Это предупреждение летело с плота на плот, люди замирали на своих местах, готовые сразиться с могучей стихией.

Речные «пираты», или, как их еще называют, «семь братьев-разбойников»,— это громадные скалы, зубьями торчащие из воды. Они пересекали всю реку, расположившись почти в шахматном порядке по фарватеру. Особенно опасны они были весной, когда еще не сошла большая вода и гранитные шапки некоторых из них скрывались в пенящихся гребнях волн. Если плот попадал на один из передних «пиратов», тогда не миновать и ниже стоявших «разбойников». Первый наносил разрушительный удар, остальные превращали плот в щепы.

Караван подходил к «разбойничьему гнезду». Река ревела, пенилась бурлящим потоком. Многократное эхо повторяло этот бешеный рев, даже на плоту люди не слышали друг друга, приходилось кричать над самым ухом. Над вершинами «пиратов» вихрились белопенные гребни, только один из них, стоявший на передовой линии, искрился зловещим свинцовым блеском.

Первый плот почти достиг этого «пирата», за ним на буксирах шли еще два. Федор Иванович стоял с длинным шестом, и, когда плот подошел так близко, что до «пирата» можно было достать, он легко оттолкнулся от него, затем перебежал на другую сторону плота и сильно оттолкнулся от второго «пирата». Все три плота миновали опасное место и стремительно понеслись вниз.

Караван заночевал в селе Новой Александровке. Никто из лесорубов тогда не мог предположить, что в райо-

не этого маленького села произойдут большие события, а речушка Серебрянка, протекавшая недалеко от него, станет историческим местом.

До строительства оставался однодневный рейс. Все готовились к этому большому событию в жизни таежников: привели в порядок потрепанные плоты, постирали белье, побрились, приоделись.

...На строительство караван прибыл до заката солнца. Лесорубов встретили начальник «Иртышгэсстроя» Михаил Васильевич Инюшин, начальник «Гражданстроя» Иван Дмитриевич Гончаров, парторг Абрам Зиновьевич Белявский и рабочие стройки.

ВЕРИТЬ ИЛИ?..

Лесорубы разместились в недавно построенном длинном бараке. Едва прибывшие перевезли свои вещи, устроились, к ним прибежала курносая голубоглазая девушка.

— Сегодня в клубе, — сказала она, — Михаил Васильевич будет рассказывать о строительстве гидроэлектростанций на Иртыше. Приходите послушать.

— Придем, дочка, — отозвался Федор Иванович. — Обязательно придем.

Желание лесорубов — узнать как можно больше о строительстве — оказалось настолько велико, что они пришли в клуб все, оставив в бараке только детей да старух. Клуба, собственно, ещё не было. Строители называли так огромный склад для цемента. Людей собралось полным-полно, но лесорубы пробрались ближе к столу и уселись на полу.

Михаил Васильевич, высокий плотный человек средних лет, рассказывал тихо, спокойно.

Он, видимо, не был блестящим оратором, да и не претендовал на это. Но говорил он с большим знанием дела. Слушатели затаили дыхание, стараясь уловить каждое слово.

— В двух километрах от места, где мы сейчас с вами находимся,— сказал Михаил Васильевич,— будет построена Усть-Каменогорская ГЭС — первая гидроэлектростанция на Иртыше. Плотина перекроет реку в том месте, где она выходит из Алтайских гор на простор и создаст Малое иртышское водохранилище. Конец его окажется около села Новая Александровка. Как раз там через несколько лет начнем строить вторую, более мощную, Бухтарминскую ГЭС. Плотина второй станции, самая высокая в стране, встанет в районе горных вершин «Непопадихи» и «Упадихи».

Михаил Васильевич помолчал минуту, посмотрел на собравшихся и, отыскав взглядом тех, о ком подумал, продолжал:

— Сегодня к нам на строительство приехали лесорубы из Маркакольской тайги. Они прибыли на плотах. Их путь лежал от села Буран до нашей стройки. Это примерно около 600 километров. Лесорубы, конечно, и не думали о том, что в скором времени, после того как будет поставлена плотина Бухтарминской ГЭС, на всем пройденном ими пути раскинется огромное Бухтарминское море.

— Пустые разговоры, начальник шутит,— подал кто-то голос.

— Нет, не шучу,— сказал Михаил Васильевич.— Море будет, и вы его создадите своими руками.

— Работы мы не боимся, товарищ начальник,— сказал Федор Иванович.— Только слова ваши на сказку похожи. Иртыш-то очень свирепый. Совладаем ли с рекой-то?

— Ни на одной сибирской реке не строили еще станции,— поддержал его другой лесоруб,— значит, мы первыми беремся за это?

— Верно,— тряхнул головой повеселевший Инюшин, словно жестокая схватка с рекой предвещала ему несказанную радость.— Мы первыми будем укрощать характер сибирских рек, большая честь выпала на нашу долю. Тот, кто сомневается в своих силах, пусть не берется за это дело. Нам нужны мужественные люди. Трудности будут большие,— продолжал он,— но мы, советские люди, одолеем любое дело. Владимир Ильич Ленин наметил смелый план электрификации страны. Пришла очередь браться и за Иртыш.

С беседы уходили шумной толпой. Рассказ начальника строительства был столь необычен, что многие серьезно сомневались в его правдивости.

— Еще мальчонке,— говорил шагавший рядом с Федором Ивановичем мужчина,— мне бабка рассказывала сказки о чудо-богатырях, которые горы сдвигают, через пропасти скачут, а вот такой сказки, которую рассказал начальник, я не слышал. Удивительная сказка!

— А ты не сомневайся,— отвечал шагавший с ним кряжистый старик.— Если сам Ильич думку такую вынашивал, значит, он верил в нашу силу. Что говорил Ильич, все сбывается. Стало быть, и Иртыш покорится, коль народ того захочет.

ШТУРМ

Ранним утром Федор Иванович вышел на шоссе и неторопливой походкой направился к створу основных сооружений. Поглаживая рыжеватую бороду, довольный, осмотрелся кругом, улыбнулся. Совсем недавно он приехал сюда. Пустынно было на правом бе-

регу, неприветливо. А сейчас сколько понастроили! Вырос новый поселок с красивыми домами, школами, магазинами, клубом, работают бетонный и ремонтно-механический заводы, по неприступным местам к створу будущей ГЭС проложены железная и шоссейная дороги. Подготовлен тыл огромного строительства.

Сегодня предстоит большое сражение — отсыпка банкета первой очереди котлована. У реки отвоевывается плацдарм для сооружения первой железобетонной плотины на Иртыше.

Народу собралось очень много. Молча всматривались в пенящийся поток реки. Иртыш ревел. Двое рабочих скатили с берега огромный валун. Словно понимая, для чего пришли люди, река неистовствовала, выплевывала на каменные выступы каскады брызг и пены.

Недалеко от берега, в каменистом карьере, стояли машины, бульдозеры, замерли длинные стрелы шагающих экскаваторов. Все было готово к штурму.

— Играет, — кивнув в сторону реки, сказал бригадир монтажников Тохтар Слямов. — Последние часы. На веки вечные укротим.

Федор Иванович улыбнулся. Теперь те сомнения, которые владели им во время рассказа Инюшина, показались смешными, он понимал: коллектив гидростроителей большая сила, сделает все, даже невозможное, — река покорится.

— Товарищи! — слышалось из репродуктора, установленного на ближнем выступе скалы. — Приступаем к отсыпке перемычки первой очереди котлована. Все по своим местам!

Берег опустел. Ожили краны, зашумели моторы бульдозеров, автосамосвалов. Федор Иванович с рабочими своей бригады опустили первые ряжи рядом с берегом, и сейчас же несколько самосвалов свалили на них гранитные глыбы и глину.

Первое звено ряжей укрепили сравнительно легко. Образовался трехметровый мостик, продвинувшийся в глубь реки. На этот мостик заезжали автомашины, продолжая сваливать свой груз. Но чем дальше уходила в реку перемычка, тем труднее приходилось устанавливать ряжи и вбивать металлический шпунт. Река яростно сопротивлялась. Камни, сброшенные в нее, она раскидывала с диким ревом.

Целый день и всю ночь при свете прожекторов велась отсыпка перемычки. Люди, отработавшие свою смену, не уходили домой. Они спали здесь же, на берегу, готовые в любую минуту прийти на помощь своим товарищам. К утру следующего дня перемычка была отсыпана. Все облегченно вздохнули, но радость была преждевременной.

В верхней части перемычки вода перехлестнула через насыпь и устремилась в котлован. В одно мгновение она пробила себе путь, размывая глину и расшвыривая камни. Под напором воды стал гнуться металлический шпунт. Иртыш грозил снести перемычку. И вот в этот момент случилось то, о чем позже многие годы вспоминали гидростроители.

Сотни людей бросились в наполовину откачанный котлован. Они своими плечами подперли шпунтовую стенку. На помощь им двинулись бульдозеры, которые уперлись в шпунт. Волны, урча и пенясь, перехлестывали через насыпь на людей, стоявших сначала по пояс, а затем по плечи в ледяной воде.

И снова в Иртыш полетели сотни тонн камня, глины, канатами натягивался и укреплялся шпунт. Перемычка поднималась все выше и выше, но вода то в одном, то в другом месте просачивалась в котлован. Двенадцать часов люди простояли в воде, двенадцать часов не прекращалась жестокая схватка с рекой. Наконец, Иртыш отступил, направил всю свою силу в узкую горловину.

Строители отвоевали половину реки, они прочно встали на дно Иртыша.

Усталые, продрогшие, но счастливые возвращались в поселок — они выиграли большое сражение.

ЛЕГЕНДА СТАЛА БЫЛЮ

Легенда родилась среди строителей. Ее сложили люди, покорявшие Иртыш. Вот она.

Случилось это в далекие времена.

По берегам Иртыша кочевали казахские племена. Они не имели постоянного пристанища. Сегодня нагуливали скот на одном, а через месяц-другой на новом месте.

Вместе со всеми кочевал бедный пастух Хамза. В его чапане никогда не задерживался ветер: он был весь из заплат, да и они давно прохудились. Ноги пастуха не знали сапог, и сам он никогда не ел досыта. И все же Хамза был счастлив. У него росла дочь-красавица, равной которой нельзя было сыскать на казахской земле. Ее звали Алтыnguль — Золотой цветок. Стройна, гибка, как былинка тростника, черные косы до пят, а глаза словно спелая слива, омытая утренней росой. Речь говорит — серебряным ручейком журчит, песню запоеет — соловьи замолкают: слушают ее и не могут наслушаться.

Многие джигиты засматривались на Алтыnguль, но она никого не любила. Баи засылали сватов к ее отцу, табуны коней обещали. Пастух и слушать не хотел. Для него самым большим богатством была Алтыnguль. Он любил ее и берег.

Однажды вечером пастух сидел на берегу реки и думал о своей дочери. Не хотелось ему расставаться с ней, но разве можно всю жизнь держать около себя девушку? Не сегодня, так завтра улетит она из родного гнезда.

2179

Вдруг река забурлила, взмахнула крылатыми волнами, заворочалась в своем ложе., и из пучины на берег вышел царевич Иртышаныч. На голове шапка изумрудами горит, сам весь в золотой чешуе. Ступит Иртышаныч одной ногой — берег под ней прогибается, ступит другой — горы вековые рушатся.

Испугался пастух, хочет бежать, да подняться с земли не может — неведомая сила приковала его к ней. А царевич обращается к Хамзе со следующими словами:

— Пастух, отдай мне свою дочь в жены. Я красив, молод, силен, у меня хранится волшебный факел жизни. Мне он достался от моего отца, а отцу от моего деда. Когда-то факел приносил счастье всем людям, теперь я один владею его волшебной силой. Чего молчишь, пастух?

Пастух от страха потерял дар речи.

— Не отдашь, — пригрозил Иртышаныч, — сам возьму Алтыnguль.

Осмелел Хамза:

— Не отдам я тебе дочь, Иртышаныч. Ты много лет держишь в речной пучине человеческое счастье, похищенное твоим дедом. Не отдам...

Расхохотался в ответ Иртышаныч — горы затряслись, река из берегов вышла. Пастух в ужасе закрыл глаза. Когда он очнулся, река спокойно несла свои воды, на берегу никого не было.

Побрел Хамза в свою юрту. Хотел обо всем дочери рассказать, предупредить ее, чтобы она близко к реке не подходила, остерегалась молодого Иртышаныча, но дочери и след простыл. И понял пастух, что царевич похитил Алтыnguль, что никогда больше не увидит он свою любимицу.

До глубокой старости пастух приходил на то место где встретил Иртышаныча, и часами ждал, не появится ли дочь.

И вот однажды перед закатом солнца всплеснулся Ир-

тыш, запенился, на берег вышла красавица. Всмотрелся в нее пастух, и слезы брызнули из его глаз. Это была его любимая Алтыnguль. Лицо все то же, а тело покрыто серебрястой чешуей. Обрадовался и испугался Хамза.

— Ты ли это, дочь моя?— спросил он.

— Я, отец,— ответила красавица, но не подошла к старику, не обняла его, как бывало прежде.— Не бойся меня. Я тебе только добра желаю. Ты стал стар, беден, иди к нам жить в подводное царство.

Но пастух не отвечал на настойчивые просьбы дочери. Алтыnguль подошла к нему ближе.

— Волшебный факел жизни светит нам в пучине,— уговаривала она отца.— И пока он в наших руках, не будет счастья у бедняков.

— Если ты добра желаешь мне,— сказал Хамза,— принеси этот факел. Пусть он приносит счастье всем людям.

— Нет, отец, этого я никогда не сделаю. Факел навсегда останется в нашем царстве.

Нахмурился пастух, молвил грозно:

— Не пойду я к вам, проклиная я тебя и Иртышаныча. Наступит время, джигиты отнимут у вас факел счастья.

Отвернулся пастух и зашагал прочь от реки...

Пересказывая эту легенду, гидростроители добавляли:

— Скоро войдем мы в царство Иртышаныча, заберем факел жизни и осветим им казахстанскую землю на тысячи километров.

Между тем этот срок приближался. Железобетонная плотина перекрыла Иртыш. Был такой момент, когда река на несколько часов впервые за всю историю своего существования обнажила дно на сотни километров — от Усть-Каменогорска до Павлодара.

Строительство Усть-Каменогорской ГЭС подходило к концу. Завершался монтаж первой турбины, заканчива-

лась постройка плотины и однокамерного судоходного шлюза — первого в нашей стране, который одной камерой поднимает и опускает суда без малого на сорок метров.

Двадцать первого декабря 1953 года первый агрегат Усть-Каменогорской ГЭС дал промышленный ток Рудному Алтаю. Месяц спустя вступила в строй действующих вторая турбина, а через пять месяцев дал ток третий агрегат.

Морем электрического света расплескался Иртыш по Рудному Алтаю: река стала работать на человека. Гидростроители отняли у Иртышаныча факел жизни и света и отдали его народу. Легенда стала былью.

Усть-Каменогорскую ГЭС часто называют Казахстанским Днепрогэсом. В свое время Днепрогэс явилась школой для советских гидростроителей. Они учились мастерству возведения плотин, монтировали сложную технику и оборудование. Учились все — инженеры и рядовые рабочие. Днепровская станция имела большое значение для развития гидростроения нашей страны и в частности для ее европейской части. Таковую же роль сыграла Усть-Каменогорская станция в гидростроении на реках Сибири. Это была первая и пока единственная станция, построенная на реке, ничем не отличающейся своим водным режимом и условиями строительства от таких рек, как Обь, Ангара, Енисей.

Плотина Усть-Каменогорской ГЭС на 41,5 метра подняла иртышскую воду против естественного уровня. Образовалось водохранилище протяженностью свыше 80 километров. Его «хвост» омыл неприступные скалы «Непопадиху» и «Упадиху», где предстояло воздвигнуть второй энергетический гигант на Иртыше — Бухтарминскую ГЭС.

В то время, когда на первой иртышской станции заканчивалось строительство, в Ленинграде разрабатывался проект Бухтарминской станции.

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

На центральной улице поселка гидростроителей Аблакетки выстроилась колонна автомашин и тракторов. В кузовах сидят строители. Они в тулупах, овчинных полушубках, брезентовых плащах. Видны спальные мешки, матрацы, палатки, лопаты, походная кухня.

Около автомашин стоят женщины, старики, дети. Одни улыбаются, другие о чем-то громко разговаривают с отъезжающими.

Таежник-лесоруб, знатный плотник строительства Федор Иванович Хлапцев провожает своего сына Якова, замечательного гидростроителя.

— Эх, был бы я моложе,— вздохнул Федор Иванович,— не отстал бы от вас. Сейчас бы в путь тронулся. Как только придет весна-красна, приеду к вам с первой машиной.

— Неуемный вы человек, Федор Иванович,— успокаивает его рыжеусый плотник.— Вон какую махину на Иртыше построили, а вам все мало.

— Своими руками хочется поставить вторую плотину, да и на море взглянуть не терпится.

— Увидишь, батя, все увидишь,— сказал Яков.— Весной или летом приедешь — и для тебя дела хватит.

К колонне автомашин подошли Михаил Васильевич, Абрам Зиновьевич и заместитель начальника строительства Константин Дмитриевич Савиных. Инюшин и Белявский пожимают руку Савиных, желают ему доброго пути.

— Отвоевывайте «плацдарм» для новостройки,— говорит парторг отъезжающим.— Хороших удач вам, товарищи!

Колонна тронулась и скрылась за поворотом дороги. Вскоре она вышла на правобережное Восточное кольцо, пересекающее Ульбинский хребет. Шоссейная дорога, построенная методом народной стройки, то широ-

кой лентой петляет по горным местам, то взлетает на перевалы, то снова ниспадает в ущелье. Горы покрыты пихтачом, осинником, березняком. По ущельям, где и летом и зимой шумят горные речушки, растет калина, смородина, крушина и в человеческий рост поднимаются альпийские травы. Трудна и опасна дорога, и вместе с тем приятно проехать по ней в летнее время, посмотреть один из живописных уголков Восточного Казахстана.

К вечеру автомашины прибыли в Новую Александровку. Село небольшое, всего дворов двадцать. Гидростроители разместились в жарко натопленных домах колхозников. Спать легли рано, чтобы завтра с утра приступить к строительству первых домов нового поселка гидростроителей — Серебрянки, названного по имени горной речушки, впадающей в Иртыш километрах в трех от строительства электростанции.

Константин Дмитриевич Савиных проснулся рано. Он оделся и вышел на улицу. Село еще спало. Было морозно, тихо. Он огляделся вокруг. На левой стороне Иртыша нескончаемой грядой тянулись горы Калбинского хребта. На их вершинах виднелись невысокие, кряжистые сосны, по ущельям — березы и какой-то кустарник. Вдоль правого берега реки, как стражи, стояли остроконечные исполины. Здесь начинались отроги Ульбинского снежного хребта.

Взглядом опытного строителя Константин Дмитриевич окинул прибрежную площадку, где предстояло воздвигнуть новый городок. Это место оказалось намного удобнее того, на котором строился поселок Аблакетка.

Пока пили чай, погода внезапно изменилась. Сначала подул восточный теплый ветерок. Он как бы выгнал из котловины мороз. Стало тепло и тихо. Так продолжалось несколько минут. И вдруг дохнул порывистый северный ветер. Он гнал по небу тучи. Пошел снег, косматая метель взмахнула своими крыльями — вся котловина пото-

нула в белесой мгле. Такая неожиданная смена погоды характерна почти для всей Иртышской поймы на территории Восточного Казахстана.

— Что будем делать, Константин Дмитриевич?— спросил бригадир плотников Агей Шадрин, стряхивая с шапки снег.— Метель разыгралась — ничего не видно.

Константин Дмитриевич посмотрел в окно, помолчал.

— Идем,— сказал он, натягивая на себя полушубок.— Сидя на печи, поселок не построишь.

На строительную площадку шли, увязая по колена в снегу, останавливались, чертыхались, шли дальше. Бригадир, заместитель начальника строительства и несколько плотников отыскивали колышки, которыми была намечена будущая центральная улица поселка. С трудом нашли место, где должен строиться первый деревянный дом.

Два бульдозера расчистили дорогу, подготовили площадку. Машины доставили готовые бетонные фундаменты. Рабочие рыли траншеи. Под глубоким снегом земля промерзла только сверху и легко поддавалась киркам и лопатам. К полудню снежная пурга стихла. Работа пошла быстрее.

Следующий день выдался теплый, солнечный. Сборку дома начали ранним утром, а к вечеру поставили и крышу. Не подвели и печники. Они начали кладку печи, когда плотники связали на фундаменте первый венец бревен. Вечером Агей Шадрин раздувал отсыревшие в снегу щепы, чтобы растопить первую печь в поселке Серебрянке. Когда разгорелись дрова, Агей поднялся на ноги, покрасневшее его лицо сияло от радости.

— Горит,— сказал он.— Хорошо горит.

— Горит,— радовались строители, протягивая озябшие руки к открытой дверце печи.

Утром колхозники увидели построенный дом, из трубы которого валил густой дым.

В этом доме одну комнату отвели под прорабскую, в